

Белла АХМАДУЛИНА

МАЛЕНЬКИЙ ЭКСПРОМТ В ЧЕСТЬ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

НАЧНУ с начала, опишу все по порядку.

Представьте себе человека, который сидит у столь большого окна, что, не поводя головой из стороны в сторону, он не может увидеть все, что видно в окно.

День сияет, ночь смеркает — лишь на мгновение, человек давно уже так сидит, поводит головой из стороны в сторону и видит непомерное множество невиской воды. Воды и столько обожаемого им, что этого слишком много для одного взора, для яви.

Загадки никакой: так построен отелъ, так высоко и велико окно, и человек терзаем избытком того, что он видит, и своим мучительным долгом описывать неопишное. Человек думает, что Пушкин... в это время звонит телефон, и спрашивают: «Что вы думаете о Большом театре?» Как, ко всему, что мучит ум, уже болюющий белей ночью, нужно прибавить еще одно раздумье?

Гаснет купол Исаакия, темнеет в Летнем саду, разводят один мост, другой, краткая темень, и снова во всю величину окна сверкает Нева. Человек улыбается: он ловит себя на том, что вот уже сутки он думает о Большом театре, и это совпадает и с Пушкиным, и с тем, что в окне. Стало быть, не только на своей площади, но и в сознании человека воздвигнут Великий Театр, и достаточно малого оклика, намека, и вот он явился перед памятью, перед влюбленным зрением.

Первое воспоминание: драгоценный, красный, с позолотой воздушный шар — вожделение моего детства. Бабушка купила, намотала на палец нитку, а шар разматал ее своей силой, освободился от детской алчности. Разрывание сердца, утрата рук и прибыль зрения: красный шар в синеве Вселенной, нежная белизна хрупко-громоздкого здания, прочно опершегося на колонны, посылающего в небо коней. Не знаю, сказала ли бабушка: «Смотри, это Большой театр». Вряд ли, я должна была и прежде это знать, но увидела так впервые, раз и навсегда.

Затем — непрерывная удача детства, счастливое знакомство мамы, и на все, на все спектакли ведут, дают перламутровый бинокль, алеет бархат, блестит позолота, меркнет люстра — и ах!

Как прекрасно ты, возлюб-

ленное человечество... Разве мало просто ходить и разговаривать, а ты вон что: на носках, на божественных и невероятных пуантах. Бесшумных, а все же слух знает наизусть их быстрый-быстрый лепет по сцене. Немыслимо изогнув шею, ты всем телом совершаешь подвиг красоты. И чьи-то уста уже разомкнулись для пения. Да, не чрезмерность ли это? Нет, это именно то, что соответствует твоей сути.

Принаряженное дитя еще не понимает смысла слез, мешающих смотреть в перламутровый бинокль. Там просто — ножка о ножку, прыжок, повисание, прыжок, но почему это причина для слез? Восходит надземная люстра, прощай, бинокль, зато вот пальто, как будто одно заменит другое! Большой театр парит и блещет, что ему до маленького человека со слезой, чью судьбу и речь он нечаянно и непреклонно слагает и пестует; много лет пройдет, и в его честь вдруг, ни с того ни с сего, расплачется человек при Неве, при Летнем саде, клянусь вам, что плачет.

Удачливый московский ребенок вырастет в печального счастливчика, который по-прежнему держит перламутровый бинокль и обмирает, пока меркнет люстра. Потом по неведомой причине он вовсе не ложится спать, соотнося имя Театра и величину его значения, и, видимо, одно соответствует другому, если уж не день сияет, а человек все еще думает о том, о чем его мимолетно спросили по телефону.

И за это судьба осыпает его подарками невероятных совпадений. В это же время балерина дарит ему свои балетные туфли, вот они лежат — розовые, грациозные, в забытьи, потому что они почти сведены на нет возвышенной каторгой труда.

И открывается дверь, и входит человек, ему 73 года, и вся его жизнь — это Большой театр, бывший, нынешний и грядущий — бесконечный. Я безмерно люблю его и почитаю, как и множество людей. Он спрашивает: «Как вы пожижаете? Вы, кажется, устали, вы спать не ложились».

Я смотрю на него, усилием зрачка побарываю и скрываю влагу и говорю: «Все хорошо. Просто я поздравляю вас с 200-летием Большого театра».

Я поздравляю вас с 200-летием Большого театра.